

Моя любимая кукла

Автор:

Зульфия Талыбова

Моя любимая кукла

Зульфия Талыбова

... В любимых с детства сказках коварные мачехи и завистливые королевы нередко представлены абсолютными злодеями. Они безжалостно мучают добрых принцесс и даже жаждут убить! Но зло всегда наказуемо: принцесс спасают отважные рыцари, а злых мачех заставляют плясать на раскалённых углях... В сказках Талыбовой Зульфийи злодеи не всегда заслуживают подобной расправы. К некоторым, если внимательно приглядеться, можно увидеть маленького испуганного ребёнка, прячущегося за маской безжалостного мучителя. И снять её под силу только настоящим волшебством: добротой, пронизательностью и смекалкой бесстрашных главных героев.

Зульфия Талыбова

Моя любимая кукла

Серая Валери

У двенадцатилетнего Стёпы в комнате царил привычный бардак. Сидя за письменным столом, он сонно смотрел в окно, подперев подбородок рукой, и наблюдал за проплывавшими облаками. Одно из них напомнило гигантскую воблу, что своим брюхом закрыла заходившее солнце – наступали сумерки.

Он вспомнил, как пару лет назад они с отцом рыбачили на безлюдном пляже и выловили такую вот пузатую воблу. Степа положил ее в ведро с водой и оставил неподалеку. Хотя местечко и было пустынное, но рядом загорала толстая тетка, на которую внезапно напал огромный шершень! Оголтелая дама носилась по всему берегу и, буквально, снесла ведро с несчастной рыбиной! Степа тогда очень сдерживался, чтобы не расхохотаться в голос.

– У тебя есть, что постирать? – звонкий и ужасно бесивший голос Линды – старшей сестры Степы – вытащил его из давнишних воспоминаний. Только они у него и остались после смерти папы...

Линда по-хозяйски рылась в вещах брата, разбросанных по полу.

– Эй! – Стёпа вскочил со стула, на ходу опрокидывая его. – Это вообще-то мои вещи!

– Осторожнее, братец, дом снесешь! – вытаращив глаза, сказала Линда. – Я думала, ты уснул на стуле!

– Нет. – Хмуро ответил Стёпа.

– А пыли-то сколько! – ужаснулась она, проведя рукой по прикроватной тумбочке и чуть не свалив одну из пяти глиняных игрушек-свистулек.

– Что ты делаешь?! – неистово заорал Стёпа. – Не трогай! Не смей трогать!

Линда испуганно отскочила к двери и тихо произнесла:

– Извини...

Часто заморгав, она ушла, буркнув напоследок:

– К тебе Эдя пришёл.

Стёпа, покрасневший от злости, аккуратно переставил фигурки на письменный стол и рукавом протер тумбочку. Затем он расставил фигурки-свистульки в том порядке, как ему дарил их папа – по одной на каждый день

рождения с семи лет.

Папа был художником и лепил игрушки. Почти год назад, к двенадцатилетию Стёпы, он сделал очередной подарок, но не успел его покрасить, и игрушка осталась безликой и серой. Папа умер, и подарок Стёпе достался недоделанным. Сначала он ненавидел фигурку, и сразу после похорон забежал в комнату, схватил и со всей силы ударил о стену. Игрушка разбилась на несколько частей. Стёпа специально не собирал осколки. Мама и сестра всю ночь простояли возле его комнаты и караулили. Иногда они по очереди просились к нему, чтобы вместе погрузиться и поплакать, но Стёпа их не впускал. Пролежав полночи без сна, он вдруг резко вскочил с кровати, собрал осколки и, прижав к груди, прорыдал почти до самого утра. На следующий день сложил разбитую игрушку в маленькую вазочку и поставил рядом с целыми и разукрашенными. С момента смерти папы, он никогда в них не свистел и другим не давал. А когда Линда сегодня нечаянно дотронулась до одной из них, в нем проснулась ярость и даже бешенство! Мало того, что сестрица без спроса в его комнату припёрлась, так ещё и папины подарки тронула! Будто не знала, как он ревностно относился к ним!

– Приве-е-е-т! – в комнату ввалился друг Эдя и позвал: – Пошли гулять, пока совсем не стемнело!

Эде почему-то, как и Линде, надо было засунуть нос в каждый уголок и везде пошарить – если не руками, так просто поглазеть. Стёпа это сразу заметил, и вновь ярость поднялась в нем. У него даже руки затряслись. Он не хотел идти на улицу, он не хотел видеть друга, он хотел остаться один. Но настойчивый Эдя продолжал докучать, а Стёпа был не в силах выдать из себя хоть слово и отказаться. Он стоял хмурый и красный, не решаясь спровадить лучшего друга.

Эдя же и не догадывался, какую бурю переживал Степа, он казался ему лишь немного хмурым. К тому же он привык к нему такому – после смерти папы характер у Стёпы изменился.

Эдя плюхнулся на кровать, покрывало взлетело и снесло с тумбочки вазочку с глиняными обломками. Она со звоном упала на пол. Ничего не разбилось, но Стёпа уже не смог сдержаться. Он закричал и обозвал друга дылдой и растяпой. Тот тоже обозлился и обиделся, ведь это нечаянно произошло.

– Да у тебя могила в комнате! – выпалил он. – Давно пора их закопать! А ты... словно труп хранишь рядом с собой!

Тут Эдя резко замолчал. Он явно сболтнул лишнее и уже пожалел, и хотел было извиниться, но Стёпа прогнал его.

Едва рассерженный друг ушел, как прибежали мама и сестра, чтобы узнать, что стряслось. Но Стёпа не желал их видеть. Он поднял обломки и спрятал под подушку. Там они никому не помешают. Только он решает, что с ними делать, и уж точно не собирается их закапывать или выбросить.

Прямо в одежде он забрался под одеяло, укутался гусеницей и, сжимая кулаки, всеми силами подавлял злость на умершего отца.

– Зачем ты мне оставил это?! Бросил меня одного, так и их с собой забирай! ... Ненавижу тебя! – шептал он сквозь зубы.

За дверью слышались шорохи и причитания – сестра и мать обеспокоено крутились возле порога. Стёпа ненавидел и их.

– Уйдите! – кричал он из-под одеяла.

Через пару минут шепот прекратился, но Стёпа не успел этого понять. Просунув руки под подушку и, сжимая обломки игрушки, он крепко уснул.

* * *

– Стефан! Эдвард! Вы где, бездельники проклятые?

Шаркая по полу своими тощими ногами, Сушёная Вобла облазил весь первый этаж гостиницы, но ребят так и не нашёл. И куда они подевались?!

– Вот негодники... – пробормотал он. – Извините, пожалуйста! – подняв голову, управляющий виновато поглядел на гостью – тучную женщину, что присела на один из своих трех раздутых чемоданов. Под ее весом он заметно сплюснулся, и из него вылез кружевной край ночной сорочки. Дама сразу заметила его, зарделась и сконфуженно потупила взор. Гостья выставила вперед полную

голень, прикрывая следы своей оплошности.

Тут послышался громкий хохот, и в холл вбежали два раскрасневшихся подростка лет двенадцати. Они сразу подошли к даме, забрали ее чемоданы и проводили в номер, пока управляющий, по кличке Сушёная Вобла, их отчитывал.

Дама расположилась в номере, а мальчишки, спустившись на ресепшен, выслушали нравоучения.

Управляющий был семидесятилетний низенький дядька с раздутым животом и тощими ногами. Поговаривали, что он уже на протяжении многих лет вечерами воровал спиртное из погреба, отчего у него заболела печень, и раздулся живот. Его фигура напоминала воблу – высушенную и обезвоженную, но с раздутым животом. Его и называли Сушёной Воблой, напрочь позабыв настоящее имя.

Гостиница досталась ему от отца, здесь он и жил, как и другие работники – вся его родня, что на протяжении двух веков держали её. На заре своего существования гостиница процветала. Знаменитости и важные персоны здесь были частыми гостями. Но уже больше полувека сюда редко кто заезжал. Даже соседи в округе разъехались. И осталась гостиница стоять одна на полупустой улице забытого городка, превратившись в мрачную башню с гулкими коридорами и холодными комнатами. Что-то произошло лет шестьдесят назад, и об этом знал пьяница-управляющий. Но разве у него допросишься ответа.

Родни у Сушёной Воблы было так много, что каждый месяц-полтора персонал менялся. Кузены и кузины уже привыкли проводить «каникулы» в старой башне-отеле, помогали, чем могли Сушёной Вобле, дабы совсем не спился в одиночестве. Своей семьи и детей у него не было.

Стефан и Эдвард – двоюродные братья, впервые гостили у ворчливого дядюшки и понятия не имели, что здесь стряслось полвека назад, да и особо не интересовались. Гостиница была такой огромной, что они, в первые дни, то и дело хулиганили, прятались по комнатам, пугали горничных, даже побывали на чердаке, притащив оттуда горы паутины и какой-то напудренный парик, дурно пахнущий нафталином. Они нацепили его на голову спящего дядьки, а тот, проснувшись утром с похмелья, даже не почувствовал что-то лишнее на голове. А когда обнаружил, пожалел, что двенадцатилетние юнцы только-только заселились – ещё почти месяц их терпеть!

Дабы усмирить их пыл, Сушёная Вобла назначил мальчишек носильщиками. Гостей все равно мало, так что сорванцы не перетрутся...

– Заметил, какие странные волосы у этой плюшки? – спросил Стефан.

– Какой? – не понял Эдвард.

– У тётки, чьи чемоданы мы только что затащили в номер.

– А-а-а... наполовину белые?

– Ага, а на другую – розовые!

– А меня больше испугала эта огромная штука на груди, похожая на гигантского шершня! – не скрывая омерзения, поделился Эдвард.

– Это вообще-то брошь, а волосы – малиновые, а не розовые! – Мимо прошла Белинда – их восемнадцатилетняя кузина-горничная. – Окрашивание такое, но вам-то, что до этого?!

– А действительно, чего это ты, братец, тетками интересовался?! И их цветом волос?! – усмехнулся Эдвард.

– Просто это выглядит как-то странно... словно...

– Словно?

– Словно ее не докрасили!

Эдвард засмеялся, и Белинда заодно.

– Идите вы... к Сушёной Вобле! – обиженно проворчал Стефан и отправился спать.

– Братишка, я могу подарить тебе его ароматный парик! – хохотал Эдвард.

Стефан ускорил шаг, забежал в свою комнату и с разбегу упал на кровать.

И чего это, в самом деле, его привлекли странные волосы толстой тётеньки?! Ладно бы только волосы, но, глядя на гостью, в его голове всплыли картинки заброшенного озера, где он ни разу не был. Стефан даже был готов поклясться, что учуял запах цветущей воды! Он резко сел в кровати и принюхался – даже через закрытые двери сюда проникли ароматы вареников и сметаны – остатков дивного ужина. И никакой озерной тины!

Странное чувство ушло, и Стефан отправился в ванную, наспех почистил зубы и лег спать, надеясь уснуть раньше, чем придет кузен и станет его дразнить...

Бабах!

Стефан резко открыл глаза. Сколько времени прошло, как он уснул? Десять минут? Час?

Перед его глазами носился Эдвард в пижаме. Как ещё удумал поиздеваться над ним брат?! Мальчик равнодушно перевернулся на другой бок. Кузен же подскочил к нему и стал тормошить.

– Стеф, просыпайся, просыпайся! Землетрясение началось!

– Отстань! – буркнул мальчик. – Иди, пугай Сушёную Воблу!

Но тут снаружи послышался такой визг, что Стефан мгновенно вскочил с кровати.

– Что это?!

– Я же говорю, землетрясение! – стуча зубами, лепетал Эдвард.

Стефан поглядел на брата – тот весь был присыпан известкой, и ресницы окрасились в белый цвет.

– Где ты лазил?! – Стефан попытался перекрыть визг.

– Это тетка с розовыми волосами орет! – Эдвард поднял указательный палец вверх. – Её комната прямо над нашей!

Послышался новый «бабах», и побелка с потолка теперь уже осыпала голову Стефана.

Испуганные мальчишки выбежали в коридор. С третьего этажа, схватившись за голову, словно неповоротливый слон, спускалась по ступенькам единственная гостья. Ее шаги были такие тяжёлые, что ребятам мерещилось, как под ее массивными стопами прогибались каменные ступеньки, будто пластилиновые!

Гостья, истошно крича, грузно покатилась вниз. Ребята спустились за ней. Тут в одном белье показался дядюшка и стал размахивать руками перед обезумевшей гостьей, пытаясь ее усмирить. Но Сушёной Вобле не повезло – тётка даже не заметила его и сшибла с ног.

Ребята помогли пострадавшему встать. Прибежавшая Белинда все-таки остановила гостью. Она усадила ее в кресло, укрыла пледом и приготовила горячий чай.

Как только прошло наваждение, Эдвард и Стефан заметили ярко-алые следы повсюду. Словно жирные кляксы они испачкали полы, ковры, стены и все, чего касалась гостья, даже лицо Сушёной Воблы. Оказывается, кто-то измазал голову и волосы гостьи алой краской. Она проснулась, почувствовав чьи-то прикосновения, вскочила с кровати и, спросонья, увидела в зеркале, как истекала кровью! Испугавшись, она выбежала из комнаты, но с полусна плохо видела и несколько раз упала.

– А я-то думал, что землетрясение началось! – шепнул в ухо брату Эдвард.

– М-да, ну, хоть кто-то докрасил ее волосы! – заметил Стефан.

Эдвард еле-еле сдержал смешок, но тут же осекся и хитро поглядел на кузена:

– Так это ты все натворил?! Мог бы предупредить! Я чуть не умер со страху!

– Что?! – возмутился Стефан. – Я не нападаю на толстых тётенок и уж точно не крашу их лохмы! Одно дело – парик стащить и подурачиться, но это другое! И вообще, я спал! Забыл?!

Он скрестил руки на груди и хмуро поглядел на Эдварда. Тут на них шикнула рассерженная Белинда, и ребята замолчали.

Тётенька пришла в себя и решила сейчас же покинуть «эту ужасную гостиницу». Уговоры Сушёной Воблы не помогали – она уйдет сию же минуту, в полвторого ночи.

Мальчишкам пришлось отмывать полы и стены от краски. Белинда же проводила несчастную постоялицу и присоединилась к братьям.

– Что произошло, может кто-нибудь сказать?! – вытирая пот со лба, спросил Эдвард.

Белинда, явно что-то знала, но не поднимала головы, а ещё усерднее отдирала краску.

– Дядька наш, конечно, обнаглевший! Сам спать пошёл, а нас здесь оставил! – не умолкал Эдвард.

– Да какая от него польза?! – возразил Стефан. – Только костями греметь... К тому же, ему здорово досталось от этой разъяренной бычихи!

Братья расхохотались, но Белинда живо их усмирила:

– Тише вам! Прислушайтесь! Он идёт!

Все трое наострили уши. В холле появился их дядька. Ребята решили, что он ушел спать или умываться от краски, но они ошиблись: в руках он держал полупустую бутылку.

– Валери-и-и-и! – орал он. – Черт бы тебя побрал!

Стефан на всякий случай медленно обернулся. Сзади никого не было.

– Кого он зовёт? – тихо спросил Эдвард.

– Давайте-ка спать! – Белинда бросила тряпку и погнала кузенов в спальню. Не обязательно им слушать концерт от Сушёной Воблы.

– погоди, – на ходу кричал Стефан. – Кто такая эта Валери?

Белинда втолкнула мальчишек в комнату и захлопнула дверь.

– Серая Валери-и-и-и! – орал дядька.

Братья удивленно уставились на кузину, а та уселась прямо на пол, прижавшись спиной к двери:

– Опять у него приступы! Скажу маме, что больше не желаю ездить на каникулы к сумасшедшему дядюшке!

– Может, ты уже объяснишь, в чём дело?! – спросил Эдвард. – Что за Валери?!

– Семейное привидение?! – предположил Стефан.

Белинда подняла на него грустный взгляд:

– Можно и так сказать...

Она поднялась с пола и уселась на софу.

– Вы совсем ничего не знаете про эту гостиницу?

– Нет! – хором ответили мальчики.

– Только то, что наш дядька алкоголик, и, несмотря на это, наши родители нас сюда сослали. – Вставил Эдвард.

– Здесь произошло кое-что страшное больше полувека назад. Сушёной Вобле тогда было лет десять-одиннадцать. Его отец был художник. Рисовал портреты...

– Это мы знаем! – перебил Стефан. – У нас ведь в каждой семье кто-то рисует или лепит, или что-то в этом роде...

– Да, – улыбнулась Белинда. – У нас был талантливый предок. Но речь не об этом. В тот год была какая-то страшная эпидемия, и отец нашего дяди ла – между прочим, это настоящее имя Сушёной Воблы – умер вместе с женой и пятью детьми. Остался только маленький Сэм. Его и воспитывали многочисленные дяди и тети – наши дальние родственники. Но осиротевший Сэм был сам не свой, да и дела в гостинице пошли на убыль. А потом и вовсе все постояльцы разом сбежали! Поговаривали, что умершая младшая восьмилетняя сестрёнка Сэмюеля – Валери – бродила по ночам и пугала народ. Многие даже видели ее! Наш дядька считает, что она хочет его смерти и ждёт не дожидется, когда он умрёт. Мол, семья воссоединится.

– Если она призрак, почему бы просто не убить его?! – недоуменно спросил Эдвард.

– Очень остроумно! Я вообще-то живая и не мыслю, как призрак! – невесело произнесла Белинда.

– А действительно! – просиял Стефан. – Он прав! Прошло шестьдесят лет! Почему она за это время не грохнула его?!

– Вы спятили оба?! – Белинда вскочила с софы.

– Мы?! – усмехнулся Эдвард. – Ты нам только что про привидение рассказала!

– Это не шутки! Иначе, что сегодня произошло с гостьей?!

– Вот именно! – подхватил Стефан. – Ее краской облили! Зачем?! Разве кровожадный призрак будет делать, что-то подобное?!

– Ей восемь было, когда она умерла! – добавила Белинда.

– Да хоть сорок! Если бы она хотела уюкошить нашего дядьку, она бы давно это сделала! – убеждал Стефан.

– Кстати, кто-нибудь помер за это время?! Из постояльцев?

– Никто... – с облегчением произнесла Белинда и вновь уселась на софу. – Только ерунда всякая происходила...

– Например, как в сегодняшнюю ночь?!

– Да... Я помню, как пару лет назад точно так же ночью удрала женщина с двумя дочками. Дочери заселились отдельно от матери. В их ванную кто-то разлил красную гуашь. Рядом валялись пустые баночки, и постель была вся испачкана. А их мать, как и сегодняшняя гостья, как сумасшедшая выбежала из своего номера. Все ее тело было в краске! Самых разных цветов! Уходя, она кричала, что пока спала, на нее кто-то накинул простынь, закрутил в ней и стал валять как котлету в муке по всей кровати! Потом все резко прекратилось, и она выбежала в коридор!

– И ты, в самом деле, думаешь, что восьмилетняя девочка сможет такое сотворить?! Даже, если она призрак?! – удивлялся Стефан.

– А, интересно, почему именно младшая сестра Сушёной Воблы все это делала?! – удивился Эдвард. – Они ведь все умерли от болезни!

– Ха-ха-ха, может, наш дядька ее всё-таки прибил?! – предположил Стефан.

– Ничего подобного! – нахмурила брови Белинда. – Бабушка рассказывала, что он очень любил Валери.

– Но почему он не умер? – задал вполне логичный вопрос Стефан. – Он не заразился от них?!

– Тогда болели абсолютно все! И Сэм тоже. Просто так получилось. Наверное, богу так было угодно. И бабушка мне рассказала, что Валери незадолго до смерти, о чем-то говорила с Сэмом!

– О чем же? – спросил Эдвард.

– Не знаю! Он ей не сказал! Говорю же, он после потери семьи стал очень замкнутым! Это и понятно!

– Может, он таким стал не только из-за этого! Что ему сказала Валери? «Мы же не знаем!» – заметил Стефан.

– Я не думаю, что это имеет какое-то значение! К тому же, что вразумительное могла сказать восьмилетняя девочка перед самой смертью? Сэмюель потерял целую семью!

– И сошёл с ума! – вставил Стефан. – Я не верю в привидения!

– Хочешь сказать, эти пакости делает кто-то из здешних? – спросила Белинда.

– Конечно! Он их и делает! Я сразу догадался, что дядька псих! – уверенно, сказал Стефан.

– Но ведь многие видели ее!

– Кого?!

– Валери!

– Они очень пугались! Поэтому придумывали всякую чушь! Бел, мне двенадцать лет, а тебе восемнадцать, и я сейчас убеждаю тебя, что призраков не существует!

Белинда вдруг покраснелась, вскочила с софы и, пробубнив «спокойной ночи», убежала.

– Может, здесь и правда есть привидение? – прошептал Эдвард, проводив взглядом кузину.

– Ага, могу тебе его продемонстрировать! Найду где-нибудь краски и разрисую тебя, когда ты уснёшь! Мы так в летнем лагере делали! Только зубной пастой вместо красок! Эх, ты! Темнота!

– Интересно, а почему именно краски?! – удивился Эдвард.

– Может, у Валери нет зубной пасты?! – усмехнулся Стефан. – Зачем она призраку! Короче, мне все равно! Я хочу спать!

Ребята улеглись.

... Эдвард проснулся, потому что кто-то щекотал его лицо. Спросонья подумал, может, соседский кот пролез в окно и щекочет его усами?!

К тому же Белинда ещё не позвала их на завтрак, поэтому он продолжал лежать, не открывая глаза. Эдвард почесал нос, вдруг его палец застрял в чьих-то жёстких кудрях, он открыл глаза и вскочил с кровати. Напротив стояло зеркало, и он увидел в нем клоуна в пижаме из разноцветных пятен от красок, и в парике, съехавшем на полголовы. Лица клоуна было совсем не видно – казалось, его окунули в пудру. Эдварду пришлось пару минут разглядывать это чучело, прежде чем понять, что он смотрит на свое отражение.

Он заорал не то от страха, не то от злости. Братец потрудился! Эдвард стянул парик и быстрыми шагами направился к кровати кузена, чтобы засунуть чёртов парик ему в рот! Но резко остановился: Стефан тоже был клоуном!

Эдвард разбудил брата, который разозлился ещё больше, чем он сам.

Тут в их комнату влетела разъяренная Белинда, держа в руках полупустую пудреницу!

– Кто это сделал?! – кричала она, тыча ею прямо под нос каждому из братьев.

Ярость так затуманила ей глаза, что она сразу и не заметила их боевой раскрас.

– У меня тот же вопрос! – разорался Стефан.

– Серая Валери... – прошептала Белинда и медленно села на краешек кровати. Пудреница звонко упала на пол: зеркальце разбилось.

– Чушь! – крикнул Стефан и стал нервно расхаживать по комнате.

Эдвард подсел к кузине, и они вместе глядели на свирепого брата.

– Серая Валери, серая Валери! – передразнивал он пьяный голос Сушёной Воблы. – Стоп!

Он резко остановился, и толстый шмоток засохшей гуаши отвалился от его щеки, словно штукатурка со стены.

– Почему серая?! – удивленно спросил он. – Почему не белая, черная, фиолетовая, в конце концов! Почему серая?!

– Наверное... потому что... призрак?! – осторожно предположил Эдвард и легонько стукнул по плечу кузины.

– Да, именно поэтому! – поддакнула Белинда.

– Призраки не серые! – закричал Стефан.

– А какие?! – хором спросили Эдвард и Белинда.

– Прозрачные! У них вообще цвета нет!

– Но можно сказать, что они серебристые! – тихо сказала Белинда.

– Нет! Серая Валери, серая Валери...

Стефан схватился за голову и ходил взад-вперёд:

– Почему тогда не – непрозрачная Валери?!

Он устал ходить и плюхнулся возле брата и сестры.

– Это звучит так словно ее...

Тут прогремело на всю гостиницу:

– Серая Валери-и-и-и!!! – Сушёная Вобла опять распоясался.

Ребята подскочили и выбежали в коридор. Безопаснее было бы оставаться в комнате и вообще запереться, но любопытство затмило страх.

В холле стоял их дядька. Руки его были по локоть измазаны краской. Он поднял их кверху и как безумный звал Валери. Сушёная Вобла так долго орал, что под конец охрип и разрыдался, сев на колени.

– Что происходит в этом чёртовом отеле?! – тихо произнес Эдвард.

– Он все делал! Это он! – крикнул Стефан, а Белинда шикнула и даже хотела закрыть ему рот ладонью.

– Поглядите на его руки! – шёпотом сказал он.

– Она тоже его измазала! – опешил Эдвард.

Стефан завопил и даже зарычал.

– Н-е-е-е-т! Это все сделал он! И у Бел в тумбочке рылся, и нас красками измазал! Все он!

– Чего ты так орёшь?! – закричал Эдвард в ответ. – Почему тебя это так бесит?! Кто ещё мог это сделать?!

– Серая Валери?! Вы серьезно?! – с красным от злости лицом Стефан накинудся на кузена и треснул кулаком в глаз.

Эдвард ойкнул и упал.

– Стефан, ты сдурел?! – Белинда подбежала к Эдварду и стала его поднимать, но тот со злостью отмахивался от нее. Он живо вскочил на ноги и тоже ударил кузена.

Белинда закричала и закрыла лицо руками. Тут очнулся дядька и подбежал к ребятам. Увидев их клоунские наряды, он испуганно отбежал и, вылупив глаза, только и бормотал осипшим голосом:

– Серая Валери... Серая Валери...

Стефан хотел было вновь налететь на брата, но Сушёная Вобла разозлил его больше. Он подбежал к нему и, схватив за грудки, закричал:

– Нет никакой Валери! Нет! Я ее не боюсь!

Тут дядька будто ожил. Безумие отпустило его, и он вновь превратился в ворчливого старика.

Он живенько скрутил Стефана и велел Эдварду спускаться вместе с ними.

– Раз вы такие храбрецы, значит, сможете освободить особняк от этой маленькой одноцветной мерзавки!

Эдвард покорно выполнил приказ дядьки, а Белинда, опустив голову, плелась следом.

Стефан же запечатлев свою ярость на упитанной щеке кузена, успокоился. Его даже немного разморило. Может быть, и оттого, что у него, как и у Эдварда тоже ныла щека. Стефану было все равно, куда вёл их безумный дядюшка, хотелось попить, умыться от краски и полежать.

Сушёная Вобла вывел ребят на улицу и потащил в сторону небольшого, но высокого сооружения с высокими арочными окнами, поверх которых стояли кованые решетки.

– Что это?! Наша гостиница в миниатюре?! – предположил Эдвард. Но чем дольше осматривал красивое, но мрачноватое сооружение с разбитым окном,

тем страшнее становилось. Глаза у Стефана округлились и совсем не моргали, а Белинда застучала зубами и прикрыла рот трясущейся ладонью.

Сушёная Вобла открыл тяжеленные высокие двери и по одному швырнул внутрь онемевших от страха ребят, оставив снаружи Белинду.

– Вы такие смелые, оказывается! – говорил дядька, пока закрывал дверь на замок. – Будьте так добры, спасите мой дом от этой девочки! Можете даже кости ее сжечь!

– Вы спятили?! – Белинда отошла от шока и накинулась на безумного дядюшку. – Запирать детей в фамильном склепе! Я все расскажу родителям!

Далее ребята слышали угрозы Сушёной Воблы. Последовали шлепки и визги Белинды с последующим ее плачем. А потом дядька с кузиной, видимо, отправились в гостиницу: мальчики слышали их уходящие шаги.

– Сожгите ее кости! – уходя, вновь проорал дядька сиплым голосом.

– Спички давай! Псих! – крикнул Стефан и от безысходности стукнул ногой в дверь. – Этот идиот запер нас в склепе, а мы даже не сопротивлялись!

– Неужели?! Это и в самом деле склеп?! Нет! Ма-а-м-а-а-а! Мамочка-а-а! – орал Эдвард.

– Братишка, ее здесь нет!

– Братишка, значит! – разъяренный Эдвард кинулся на Стефана и подставил ему свою раздутую щеку. – Когда бил, я тебе, значит, не братишка был!

– У меня, между прочим, тоже болит! – сказал Стефан, аккуратно дотрагиваясь до больной щеки. – Я разозлился! Неужели ты до сих пор веришь в эту Валери?! Этот псих запер нас здесь! Свихнувшийся дядюшка меня страшит больше, чем выдуманный призрак восьмилетней девочки! Ведь дядька живой, черт возьми!

– Ты прав. – Эдвард, наконец, согласился с братом. – Даже если Валери и существует, она нас только покрасить и осмелилась...

– Ну, неужели! – Стефан поднял руки к потолку.

– Выходит, это все он творит?!

– А кто же ещё?!

– Зачем тогда весь этот цирк устроил?! Ещё и кости сжечь велел!

– А, может, он и не помнит, что делал?! – предположил Стефан.

– Ха-ха-ха! В него вселяется малышка Валери!

Эдвард вдруг осекся и огляделся вокруг. Место их пребывания явно не подходило для подобных шуток.

– Давай представим, что мы на прогулке! Пришли в музей! – предложил Стефан, с испугом осматривая усыпальницу.

– Ага, в пижамах и с измазанными лицами! – буркнул Эдвард и обхватил себя руками, хоть и холодно не было.

Они уселись на пол прямо возле выхода, но Стефан вдруг вскочил на ноги и восторженно вскрикнул. Эдвард испуганно огляделся, неужели кузен заметил привидение, да ещё и так обрадовался по этому поводу?! Он, кажется, даже заметил, как под засохшей краской лицо Стефана озарилось:

– Может, он и, правда, не помнит, что делал?! Может он сам ее боится?!

– Ну... выходит так, раз просит кости ее сжечь...

– Да! А я-то думал, он над нами издевается! А что если он сам так напуган, что действительно надежда только на нас?!

– Нам по двенадцать! Что мы можем сделать?!

– Дело не в этом! А в том, что он, в самом деле, панически боится!

– То, что пожилой дядька боится восьмилетней девочки, легче от этого не становится! Но нам-то, что до этого?!

– Просто я думал, что он специально нас краской обмазал, и спектакль этот устроил!

– Но мы же не будем ее кости жечь! – воскликнул Эдвард. – Неужели он надеется, что мы станем это делать?!

– Нет, конечно! Просто я понял, что...

– Что?!

– Ты сказал, что в него вселяется малышка Валери?! Может, это так и есть?! Пока она сидит в нем, он не знает, что творит!

– Это ведь невозможно! Мы же решили, что привидений не существует! – Эдвард неуверенно огляделся – в этом месте ему уж очень хотелось лелеять эту мысль.

– Нет, конечно! – согласился Стефан. – Может, дядька с ума сошел?! Я думал, что он специально всех пугает, но, выходит, и сам не знает, что и есть та самая Валери!

Стефан содрогнулся при этой мысли, и ещё сильнее захотелось ему выбраться отсюда.

– Наш пожилой дядька на самом деле... э-э-э восьмилетняя девочка?! – неуверенно спросил Эдвард. – Но что он такого сделал, раз она так, кхе-кхе, заполонила его голову?!

Эдвард нервно захихикал, опасно озираясь.

– Или не сделал? – тихо спросил Стефан.

Тут что-то маленькое, длинное и острое прилетело через разбитое окно и щёлкнуло Эдварду по носу. Потом ещё и ещё.

Мальчик в испуге закричал и обхватил голову руками.

– Это кости! Кости! На меня летят кости!

– Ч-ш-ш! – Стефан обнял брата и заглянул в окно. Под ним разрасталась высокая трава, которая прямо сейчас зашелестела. Кто-то, наклонившись, или даже встав на четвереньки, пробирался под ней.

Прямо напротив усыпальницы был заброшенный сад, и мальчик заметил, что в ветвях деревьев кто-то стоит. Он пригляделся и заметил женский силуэт. Это была девочка.

– Серая Валери?! – удивленно произнес Стефан.

Эдвард поднял голову и тоже посмотрел.

Из-за деревьев виднелся женский силуэт. К нему по траве кто-то ползком приближался, будто ловкая змея. Вот «змея» добралась до силуэта, и он стал постепенно отдаляться. И вот совсем исчез.

Стефан наклонился и стал шарить руками по земле. Он что-то нащупал и поднес к окну свою находку. В руках у него лежала деревянная кисточка.

– Та вот они, какие эти «кости»! – удивился Эдвард.

– Да... в этом месте и, в самом деле, что угодно померещится...

– А кто же стоял в саду?

– Мне показалось, что это вырезанный силуэт девочки из огромного картона!

– Мне тоже...

– Наверное, за ней и стоял наш дядька... А перед этим бросил в нас кисточки!

– Это жутко представлять. – Эдвард поморщился. – Лучше бы она была призраком!

– Но почему кисточки?

– Может, потому что они на кости смахивают?! Чтобы испугать нас?

– Нет... – Стефан задумался. – Тут что-то другое. А если она о чем-то хочет нас попросить?! Все же только и делали, что боялись ее! Может, она не пугает нас, а о чем-то просит?!

– Э-э-э... Исходя из ее шалостей и этого... – Эдвард поглядел на кисточку. – она просит нас... порисовать?! Ерунда, какая!

Тут ребята услышали шорох возле двери и в испуге вскрикнули.

– П-с! Вы живы?!

– Бел! Это ты?! Сестрёнка! Освободи нас!

Братья кинулись к двери.

– За этим и пришла! Сушёная Вобла совсем спятил! Пришёл с улицы сам не свой, бросил ключи на стойку и ушел в подвал! Опять напьётся! Я и стащила ключи!

Ребята вышли на улицу и живо побежали в особняк. На улице уже было темно, братья и не заметили, как давно наступили сумерки. Ох, и проголодались они, сидя в склепе!

Белинда оставила им ужин. Умывшись, наконец, от краски и переодевшись, ребята сытно поели.

Сушёной Воблы будто и не существовало вовсе: ни звука от дядюшки!

Белинда была серьезно настроена на отъезд из гостиницы. Она уже сообщила родителям о кознях старого безумца. К утру, они приедут.

Стефан же хотел до конца разгадать тайну серой Валери.

– Мы кое-что видели там... – сказал он.

– В склепе? – испуганно спросила Бел.

– Не совсем. В саду. Там стояла серая Валери. Только не призрак, а вырезанный из бумаги силуэт. Потом он потихоньку ушёл. А я-то думал, что призраки просто исчезают!

– Он был за ней! – сказал Эдвард. – Прятался как за щитом!

– Говоришь, он с улицы пришел «сам не свой»? – спросил Стефан.

– Наверное, как раз после того момента, когда в меня полетели кисточки! – предположил Эдвард.

– Да, а сейчас он в подвал пошёл! Надо за ним!

– Я не пойду! – с дрожью в голосе сказала Белинда.

– Ладно, оставайся тут.

Братья уже отправились в подвал, когда сестра вдруг остановила их:

– Я видела ее. – Тихо произнесла она, опустив глаза.

– Кого? «Валери?» – спросил Стефан.

– Да. Это было случайно. Как раз перед тем, как выпустить вас. Он нес ее в подвал. Это и в самом деле огромная картонка. Идите. Наверное, она ещё не успела покинуть его разум...

– Ты нам что-то ещё не договариваешь, Бел! – сказал Эдвард. – Вообще причем тут краски, кисточки и прочее? Это связано с тем, что наш предок был художником?

Стефан согласно кивнул и поглядел на сестру. Та, пряча взгляд, коротко кивнула.

– Бабушка рассказывала, что наш предок перед кончиной рисовал детей...

– И-и-и? – нетерпеливо протянул Стефан.

– И кажется... он не успел закончить картину...

– Но где она теперь? – спросил Эдвард.

– Пропала. Никто не видел ее. Я думаю, Сэмюель знает, что с ней...

– Ясно. Пошли.

Стефан потянул Эдварда за рукав рубашки.

В подвал вела узкая каменная лестница без перил. Ребята осторожно спускались, держась за холодные стены. Лестница вела прямо, а потом резко поворачивала налево. Там и находилось убежище Сушёной Воблы, где он упивался до бреда. Оттуда на ступеньки падал слабый свет.

Братья спускались медленно, но чем ближе подходили, тем больше страх нарастал в груди каждого. Из убежища дядьки доносились странные голоса. Там как будто находилось несколько человек. Один голос принадлежал Сушёной Вобле, другой – писклявый, детский – был не знаком.

Оставалась последняя ступенька, и Эдвард вцепился в плечо Стефана.

– Мне страшно! – прошептал он.

– Мне тоже. – Стефан положил ладонь на руку кузена, что так сильно сдавила его плечо.

Тут он мельком, словно из ниоткуда услышал голос матери. Она звала его. Когда она успела приехать?! Бел сказала, что родители придут не раньше утра!

– Нет! Только не сейчас! Уходи! – он затряс головой. – Ты мешаешь мне!

– Что с тобой, брат?! – Эдвард испуганно поглядел на Стефана – тот будто уснул на ходу!

– Все хорошо! Я здесь! – он часто-часто заморгал и сделал шаг.

И вот перед ними была маленькая комнатуха-погреб. Вместо кровати в углу лежал старый матрац, а возле него перевёрнутый ящик из-под спиртного. Он служил тумбочкой. На ней стояла масляная лампа.

Повсюду валялись горы разбитых бутылок. Стекла от них перемешались с баночками с засохшей гуашью, акварельными красками и кисточками разных размеров.

Их было даже больше, чем бутылок! Сушёная Вобла, наверное, делал огромную выручку ближайшим канцелярским лавкам!

Посередине этого бардака на корточках спиной к мальчикам сидел дядюшка. Он тихонько раскачивался, как мартышка на канате. Напротив него стояла фигура девочки, вырезанная из картона. Сушёная Вобла разговаривал с ней.

Но это был не тот человек, которого знали ребята. Он превратился в мальчика, ещё младше, чем они сами.

– Что ты хочешь, Валери? – спрашивал он детским голоском.

Тут Эдвард и Стефан замерли, и, казалось, от страха у обоих даже уши заложило! Дядька резко вскочил и пулей шмыгнул за девочку из картона.

– Разукрась меня, пожалуйста! Это несправедливо, что папа не дорисовал именно меня! – послышался тоненький девичий голосок. Она захныкала и расплакалась, но резко остановилась. Дядюшка выбежал и вновь уселся на корточки спиной к братьям.

– Я ведь не умею! Я боюсь, что испорчу картину!

И снова он скрылся за картонной фигурой.

– Хоть как-нибудь! – молил девичий голосок. – Я не хочу быть серой! Если ты опять не сделаешь это, мне придётся вновь просить других! Я буду шалить и мазать их краской! Но они почему-то не понимают меня! Они боятся!

Дядюшка вернулся:

– Но если я разукрашу тебя, ты уйдешь! Бросишь меня, и я останусь совсем один!

Несколько минут он рыдал, потом, как ни в чём ни бывало, вновь переместился на место Валери.

– Я тебя не брошу! Я с тобой буду всегда, но мне грустно, что я одна на нашей картине не разукрашенная. Ты ведь живой, Сэмми, но не хочешь помочь мне! Значит, ты меня не любишь!

Она опять расплакалась.

Стефан, наблюдая за передвижениями дяди, от страха даже не чувствовал, как сильно Эдвард сжимал его плечо. Оба испуганные, они таращились на сумасшедшего. Периодически, Стефан словно падал в полубморок и слышал, как его звала мама. Он игнорировал ее голос, ведь так было интересно узнать разгадку! Даже ужас от увиденного не мог перебороть любопытство!

– Обещай, что никогда меня не забудешь! – дядя вновь занял место себя одиннадцатилетнего. – Обещай!

– А ты обещай, ко мне приходить иногда и дарить цветочки! – просила Валери.

Тут она замолчала. Тишина нарастала и так угнетала, что Эдвард и Стефан чуть не запаниковали.

– Сэмми, мы здесь не одни! – произнес дядюшка голосом Валери.

Эдвард резко метнулся на лестницу, но Стефан схватил его за лодыжку, подтащил к себе и шепотом пообещал, что пожертвует собой и помрет первым, если дядька неожиданно озверевает. Эдварда это несильно успокоило.

– Тут есть мальчишки! Они могут помочь тебе! – радостно сказала Валери.

Эдвард облегченно выдохнул. Какое счастье, что Валери не приказала братцу их утешить!

Дядя вновь занял свое место. Он поглядел на мальчиков и перевел взгляд на матрац. Ребята пригляделись и заметили, что под ним что-то лежало. Дядюшка кое-как приподнял его, а ребята вытащили гигантскую картину. На ней были изображены братья и сестры Сэмюеля и он сам. Отец семейства не успел завершить картину, ведь тогда тяжёлая хворь свалила все семейство. Ребята поставили картину, а дядя, подняв с пола пару баночек с гуашью, подошёл к Стефану и с жалостливым видом протянул.

Стефан онемевшей рукой взял баночки, а дядя вновь спрятался за картонную девочку.

– Разукрась меня, пожалуйста! – пропищал он.

Стефан вдруг почувствовал сильное головокружение и шум в ушах.

Откуда ни возьмись, послышался голос мамы, и он нарастал. Погреб завертелся и вместе с ним все, что в нем находилось: баночки с краской, кисточки, бутылки, даже матрац, картина и картонная девочка. Вокруг бушевал смерч, а Стефан стоял в самом центре и как бы плотно ни закрывал уши ладонями, все равно четко и громко слышал мольбы Валери:

– Разукрась меня! Разукрась меня!

Постепенно ураган стихал, и Стефан слышал лишь собственное бормотание:

– Валери не призрак, она всего лишь незавершенная картина...

Потом откуда-то очень ясно он услышал слова Эдварда:

– Но почему именно ты об этом догадался? Стёпа?

Потом исчез погреб и картина с серой Валери. Он проснулся и открыл глаза.

– Стёпа! – в дверь стучала мама. – Сынок, я уже полчаса тебя разбудить не могу! Ты проспал завтрак! К тебе Эдя пришел!

Стёпа так и подскочил в кровати. Он пошарил под подушкой и вытащил обломки фигурки-свистульки, поглядел на них и завопил от восторга: великолепная идея пришла ему в голову!

Он выбежал из комнаты встречать друга. Тот, поникший, стоял на пороге и с печалью на лице виновато произнес:

– Стёп, прости. Я вел себя как идиот.

– А я как псих. Ты тоже прости. И ты был прав! Я кое-что придумал! – С воодушевлением выпалил Стёпа.

– Что это вы там опять задумали? – мимо прошла Линда, таща корзину грязного белья.

– Ничего особенного, сестрёнка! – отозвался Стёпа.

– Это наши личные дела! – нахмутив брови, низким басом прогремел Эдя, встав в позу отважного рыцаря.

– О-о-о! Ну, не буду мешать.

Линда удалилась.

– Так что стряслось?! – спросил Эдя.

– Мне приснилась жуткая история про сумасшедшую э-э-э... Сушёную Воблу!

– Что?! – Эдя даже поперхнулся слюной.

– Безумный старикан! Мы его так называли во сне!

– Мы?! Я тоже там был!

– Да. И Линда.

– Ого! О чем же история?

– Тебя звали Эдвард!

– М-да... – тяжело вздохнул Эдя. – и, правда, кошмар жуткий!

– На самом деле, эта Сушёная Вобла тоже был я, наверное... только, когда вырасту... если не сделаю прямо сейчас, что задумал!

– Что?!

– Я тебе потом подробно расскажу про этот дурацкий, но все же нужный сон! А сейчас, сходишь со мной... к папе?

– Конечно, друг!

На кладбище Стёпа уселся на лавку возле отцовской могилы и достал из рюкзака клей и краски. Эдя присел рядом.

Ребята провозились с обломками свистульки полдня. Когда все было готово, Стёпа осторожно разукрасил ее. Эдя, затаив дыхание, аккуратно поставил еще не до конца высохшую свистульку на ладонь Стёпы.

– Нужно налить немного воды! – прошептал Эдя.

– Что?! Хочешь, чтобы я посвистел в нее?! Нельзя ведь на кладбище свистеть?!

– Нам можно. К тому же... он ждёт...

Стёпа прислонил свистульку к дрожащим от волнения губам. Он закрыл глаза и затаил дыхание. И вот он медленно выдохнул, и свист вылетел с урывками – мальчик расплакался, но по лесу разлилось звонкое эхо.

– Разве он умер, друг? – тихо спросил Эдя. – Он везде! Видишь, как солнце выглянуло из-за облака? Это он невидимой рукой отодвинул тучу, чтобы смотреть на тебя. А вот прямо сейчас ворон взлетел с еловой ветви и всколыхнул ее – это он, пробираясь сквозь деревья, спешит на встречу с тобой. А сейчас чувствуешь, как тёплый ветер подул возле плеча?

Эдя положил руку на плечо друга.

– Это он легонько обнимает тебя. И легким эхом на весь лес разливаются трели от его последней игрушки. Слушай, Стёпа. Это он отвечает тебе.

Облачные качели

В небольшом городке жила одинокая молодая женщина. Благодаря своему таланту рукоделия, она была известна на весь город.

Портниха работала в маленькой мастерской по починке вещей. Она ловко и быстро справлялась с заказами, и горожане называли ее Паучихой. Паучихе же было под силу прославиться на весь край, если бы создавала что-то новое и необычное. Но ей хватало славы. Сердцем ее владела другая мечта – стать матерью прелестного сыночка, но бог не дал ей детей.

Ради мечты она увлеклась магией и подружилась с местным колдуном. Он велел ей раздобыть мешок мужских волос, сотворить из них пряжу и свить верёвку.

Для чего не сказал.

Паучиха слепо слушалась учителя и с того дня колдовством завлекала мужчин в свою лавку. Но ребёнок в ее чреве так и не зародился.

И немудрено! Паучиха даже не дотрагивалась до мужчин, а лишь усыпляла, срезала волосы и отпускала восвояси. Но вскоре те, кто побывали в лавке молодой портнихи, слабели, заболевали, а потом и вовсе умирали.

Сколько мужчин погубила портниха! Теперь местные обходили стороной ее лавку, называя Чёрной Вдовой.

Вскоре она собрала-таки мешок мужских волос. И Паучиха свила крепкую верёвку.

Когда полная луна осветила землю, она вновь отправилась в хижину колдуна-отшельника. Паучиха помнила, что учитель погубил не одну девушку, сделки с ним оборачивались не в пользу глупых девиц. Но Паучиху не тревожила эта мысль, безумная мечта захватила ее полностью, и к доводам рассудка она была глуха.

Старец-колдун не без восхищения поглядел на верёвку, подошёл к женщине и сорвал локон с ее головы. Он опустил его в котёл с кипящей водой, добавил снадобий и, бормоча заклинания, томил на огне. Клубы дыма заполнили всю хижину. Когда содержимое котла уварилось в крохотное белое яйцо, дым исчез.

Яйцо старец отдал Паучихе. Велел взять прялку и идти на разрушенную мельницу.

Там глубоко под землёй сохранился пустой старый амбар. Войти в него можно было через потайную дверцу в полу. Открыв ее, Паучиха увидит узкий вертикальный спуск.

Ей предстоит спуститься по сотканной из мужских волос верёвке в подземелье-амбар, там, на дне в кромешной темноте усестся с прялкой и ждать, когда лунный свет коснется ее. Пока сияние полной Луны не уйдет за воронку колодца, Паучихе нужно успеть соткать паутинку. Как только та будет готова,

на самую ее середину нужно будет положить яйцо и оживить его – порезать палец и капнуть каплю крови.

Тогда яйцо приживётся на паутинке и будет расти.

– Могу я надеяться, что у меня будет мальчик? – спросила Паучиха.

– Нет, – сказал колдун. – Точно не могу даже я знать!

Не теряя времени, она поспешила на старую мельницу. С помощью веревки из мужских волос Паучиха спустилась в подвал и сделала все, что велел учитель.

И вот из яйца вылупился маленький паучок. На протяжении трёх недель до следующего полнолуния портниха кормила его, а тот стремительно рос. За двадцать дней паучок, напитанный человеческой кровью, превратился в прелестного годовалого младенца. Паутинка росла вместе с ним и превратилась в люльку. В ней Паучиха и качала долгожданное дитя, но самого его не видела и даже боялась касаться.

Мальчик это? Девочка?

Лишь в полнолуние могла она узнать, когда малышу исполнится ровно год.

Радость материнства так завлекла ее, что позабыла дать имя новорожденному! Прибежала она к колдуну, дабы посоветоваться, как малыша окрестить? Да таким именем, чтобы счастье оно ему принесло и удачу в жизни!

Старец поглядел на Паучиху и попросил показать ему ладони. Колдун долго их рассматривал, принюхивался как ищейка, изучал словно карту. Потом подсчитал дни, когда родился младенец, пролистал не одну темную книгу и, наконец, сказал:

– В люльке качается младенец, имя которого тебе противно будет слышать!

– Почему же?! – ахнула женщина. – Неужели там девчонка лежит?!

– Так и есть! По-другому и быть не могло! Полнолуние было в середине июня! В это время по моим подсчётам могла родиться только Эмили?ка!

Паучиха раскрыла глаза и спиной назад медленно отступала от колдуна, страшась его слов, будто проклятия. Она прислонилась к стене и медленно сползла вниз, схватившись за голову.

– Эмилика... Соперница! – вскочила она на ноги, вспомнив значение имени.

– Да. Соперница. – Кивнул старик.

– Ты знал! – кинулась Паучиха на колдуна. – Ты знал, что родится девочка! А говорил, что не ведаешь!

– Да, знал, – невозмутимо произнес он, равнодушный к женским крикам обезумевшей Чёрной Вдовы. – Не глупи, все идёт по плану. Так надо.

– Как надо?! Я готова продать тебе душу, лишь бы получить сына!

– Зачем такие жертвы? – спросил колдун. – Тогда ты умрёшь, а сына не увидишь!

– Что же делать?! – не унималась Паучиха.

– Я заберу половину души Эмилики, а тебе в награду подарю талант ловкой Паучихи!

– Зачем он мне?! Я и так талантливая портниха!

– Да, но только в человеческих границах! А представь, если облагородить твое ремесло колдовством? – таинственно и маняще пропел колдун.

Паучиха призадумалась, но вновь рассвирепела и набросилась на старца:

– Как это поможет мне?! Забирай полностью душу девчонки, она мне не нужна!

– Без Эмилики ты не справишься. Верь мне.

Паучиха от безысходности согласилась. Так как в жилах девочки текла ее кровь, она могла распоряжаться судьбой дочери и тотчас совершила обряд с ведьмаком, продав ему половину души девочки.

... После той роковой ночи Паучиха исчезла из родного города. Местные же поднимали руки к небу и благодарили небеса за избавление городка от Чёрной Вдовы.

Прошло больше года, когда Паучиха заключила сделку с колдуном. До этого тишина и благодать царили в округе.

Но по происшествии года начали пропадать мальчики. Каждое полнолуние забирало по одному ребёнку. И с каждым месяцем возраст пропавшего увеличивался на год: в июне исчез двенадцатилетний, в июле тринадцатилетний...

Первый раз мальчик пропал в начале лета. Случилось это так: он услышал нежное пение, что раздавалось прямо из-под земли и настолько очаровало паренька, что тот, словно опьяневший, до ночи искал дивное создание. Поиски мальчика зря не прошли, и он нашёл тайную дверцу прямо в земле! Он открыл её, и мелодия зазвучала громче! Внутри находился узкий колодец, в котором дна не было видно. Мальчик решил, что под землёй томилась пленница, которая и напевала от тоски грустную песню! Она и на самом деле просила мальчика спасти ее! Но юнец особо не разбирал смысл песен, он настолько был увлечён красотой девичьего голоса, что, временами, и слов не слышал и не осознавал, как тяжело должно быть пленнице томиться в колодце!

Каждую ночь мальчик приходил на старую мельницу к открытому колодцу и глядел внутрь в надежде разглядеть лик владельцы прекрасного голоса, но все зря. Лишь крошечная тьма царила внутри, и никакой свет не побеждал ее.

Мальчишка успевал похвастаться ровесникам и друзьям в своей таинственной находке, но никто ему не верил. Лишь когда наступало полнолуние, и он пропал, его знакомые вспоминали рассказ друга. А, может, он не соврал?! Может, действительно, существовала заветная дверца, что открывала путь в тайный колодец?

Следующий любопытный юнец начинал искать в полнолуние дверцу в земле. Юноши исчезали один за другим.

Волна страха и паники охватила город: Чёрная Вдова вернулась?! Да ещё и детьми теперь не гнушалась?!

К ноябрю пропало пять мальчиков, и последнему едва исполнилось шестнадцать...

Родители юнцов обезумели и запирали сынов по домам, пока Луна не шла на убыль. Но делать это было бесполезно: словно невидимая зараза или хворь поражала мальчика, и он, будучи во сне, покидал кровать и с закрытыми глазами, сбегал через окно и брёл к разрушенной мельнице.

* * *

Прошел ровно год со дня рождения Эмилики. В сегодняшнюю ночь ей исполнится двенадцать. Если верить колдуну, именно сегодня и должна осуществиться заветная мечта Паучихи.

Паучиха сразу после сделки с колдуном поселилась в подземелье.

Там она смастерила свое страшное гнездо, кишашее пауками. Обменяв половину души Эмилики на дар ловкой Паучихи, сама стала оборотнем – тело и голова ее оставались прежними, а вот вместо рук и ног выросли восемь гигантских паучьих лап. Про земную жизнь она и не вспоминала, а только грезила до сумасшествия одним лишь желанием – обрести сына.

Она подчинила себе целые стаи пауков, которые слепо слушались ее и называли своей царицей.

Девочка же, подрастающая юная царица, за все месяцы так и не покидала люльку. Она была неотъемлемой ее частью, не могла отойти на шаг от своего дома. А как только лишилась Эмилика половины души, и облик ее поменялся. Когда царица спала, казалось, что была мертвой, когда бодрствовала, чудилось, что обернулась вурдалаком. Она не нуждалась ни в еде, ни в питье.

Люлька ее превратилась в черный гробик, в котором девочка почивала. Паучки-кудесники – ее верные друзья и слуги – развлекали малышку и не давали скучать. Ловкими крохотными лапками они обшили весь ее гроб пышными черными розами! А сколько красивых платьев они соткали подрастающей красавице! Они менялись на каждый день рождения!

А ее длинные-длинные курчавые черные локоны паучки-кудесники заплетали в косы, украшая ниточками паутины.

На шее Эмилика носила полупустой стеклянный кулон, где хранилась половина ее души. Колдун носил точно такой же.

Паучиха спуску дочери не давала, и даже в дни рождения (единственные ночи, когда Эмилика бодрствовала) без дела не оставляла. То попросит черные шторы из паутины сшить, то кружевные пеленки с вышивкой в форме паучков, то простыни и пододеяльники – царица пауков готовила детскую комнатку для будущих детишек...

Паучки-кудесники, оказывается, были настоящими путешественниками, что кочевали из дома в дом! Сколько людей они повидали! Сколько историй они рассказали несчастной Эмилике, которая даже человека никогда не видела! Ах, как завидовала она своим крохотным друзьям! Как хотелось ей тоже путешествовать по домам и хотя бы разок поглядеть на человека! Но это было невозможно...

На каждый день рождения Эмилика видела, как лунная тропинка простиралась к её гробу прямо от звёздного неба! Вот бы ступить на нее и отправиться к звёздам! Как устала она томиться ни живой, ни мертвой в чёрном гробу! Если не суждено ей увидеть человека, то уж лучше умереть и улететь на небо!

В полнолуние она бодрствовала, шила пелёнки, а если выпадала свободная минутка, любовалась светящейся дорожкой. В остальные дни пленница спала в открытом гробу, увитом черными розами. Она ненавидела свои дни рождения: ей больше нравилось почивать. Ведь однажды ей приснился чудный сон, который отныне повторялся постоянно! Наверное, мечты о человеческом друге так охватили ее, что приходили даже в сновидении! Во сне она была розовощекой и живой и гораздо старше, чем теперь! Страшный черный колодец превратился в белоснежный тоннель из облаков, по которому она летела, а

снаружи ей протягивал руку красивый юноша. Он вытащил ее из плена, где она так долго томилась! Колодец исчез, а вместо него стояли красивые качели, на которых она сидела, а юноша-спаситель раскачивал их! Дивная мелодия сопровождала чудесный сон, и Эмилика сама толком не знала, кто ее напевал!

Так приятны были эти сновидения! Так не хотелось ей просыпаться в полнолуние! Но только лунный свет падал на гроб и ее мертвенно-бледное лицо, сон уходил.

На одиннадцатый день рождения Эмилика проснулась под нежное пение и вдруг поняла, что она сама и пела! Кому же ещё петь?! Уж точно не паучкам-кудесникам...

Тут из глубины амбара-подземелья приползла мамаша-Паучиха и стала переодевать дочь в новое платье, довольно оглядывая подрастающую царевну. Сегодня она не нагрозила ее шитьём.

До двенадцатого дня рождения оставалось совсем немного. Всего-то считанные недели – и мечта ведьмы осуществится! Девочка же и не подозревала, в какую игру ее втянула безумная мамаша, а лишь беспрекословно подчинялась.

Царевна выполнила приказ и переделалась в красивое чёрное ажурное платье с длинными струящимися рукавами. Паучиха сама заплела в косу локоны дочери и украсила мёртвыми высушенными паучками-заколочками. А на грудь, возле висящего полупустого флакона, приколола крупную пушистую брошь – ещё живого, шевелившегося восьмипалого собрата. Паучиха долго создавала это страшное украшение, сначала она отыскала самого красивого паука, потом проколола его брюшко, но не убила, чтобы несчастный паучок прямо сейчас продолжал шевелить лапками, пытаясь удрать с груди Эмилики. Царица видела в этом особую красоту. На и без того длинные ресницы дочери обезумевшая мать прицепила сушеные паучьи лапки, и взгляд царевны стал по-настоящему открытым для привлечения и очарования мальчиков. Для них-то и старалась Чёрная Вдова, потому издевалась над дочерью, создавая «красоту», совсем позабыв, что человека такой образ, пусть и красивой, но жуткой девочки, скорее, оттолкнет и даже лишит чувств, нежели приманит. Но именно это и было ее замыслом.

... Эмилика, уснувшая в жутком образе, что сотворила для нее матушка, проснулась на двенадцатый день рождения и привычно уселась в гробу. Заветный сон про мальчика-освободителя ещё не выветрился из головы, а чудная песенка слетала с губ.

Но тут Эмилика резко замолчала и распахнула от удивления глаза – за то время, пока она спала, паучки-кудесники успели сплести длинную, до самого устья колодца чёрную лестницу! А возле колодца стоял мальчик! Он словно оцепенел и глядел на Эмилику, решив, что перед ним ожившая героиня страшной истории! Жуткая, отталкивающая, но и как будто манящая необычная красота мёртвой девочки лишила его речи и движения. Он бы и рад бежать, но на него словно опустилась липкая паутина, от которой не избавиться, сколько не маши руками.

Девочка же, то ли от страха и неожиданности, то ли по привычке, вновь стала напевать мелодию, а паучки-кудесники одновременно живенько доплетали перину прямо до ног мальчугана! Услышав пение, тот будто ожил, лицо его озарилось безумной улыбкой, а ноги ступили на ажурную ткань лестницы... Мальчик не смог двигаться дальше: стопы прилипли к паутине, и он, не удержав равновесие, упал и скатился по прочной паутине прямо к гробу опешившей Эмилики.

У ее ног он лежал как спеленутый младенец. Тут же из глубины подземелья появилась царица Паучиха. Гигантскими щупальцами она забрала кокон с мальчиком и унесла в свое логово.

Там она положила пленника в гигантскую люльку, что смастерили пауки-слуги, и стала медленно-медленно покачивать, напевая колыбельную:

Баю-бай, сыночек, спи, не замерзай!

Паутинка липкая, шибче согревай!

Будешь упираться, я к груди прижму:

Лапками мохнатыми крепко обниму!

Под пение Эмилики паучки-кудесники плели паутину до самого устья колодца. Сама того не ведая, царевна сманивала мальчиков для Паучихи, где царица и душила несчастных в своих пушистых страшных лапах!

Эмилика была лишь марионеткой в ее восьми гигантских щупальцах!

Жуткая колыбельная пугала царевну, не хотелось бы ей оказаться на месте названных братьев-царевичей и задохнуться в объятиях уродливой Паучихи! Та же совсем обезумела и нянчилась и играла с мальчиками, словно малышка с куклами.

Все, что сшила Эмилика до двенадцатилетия, Чёрная Вдова использовала для своих «сынов». Она пеленала их, баюкала, словом полностью погрузилась в благостное материнство...

* * *

Керим негодовал: шесть мальчиков пропало, последний был его другом! Никто не решился искать похитителя, ведь страх так овладел людьми, что одна половина городка вообще из домов не высывалась, а другая ночевала в церкви.

Керим не относился ни к первым, ни ко вторым. Беспокоиться о нем было некому: сироткой его подкинули в дом пожилого плотника, у которого он и трудился по сей день. Керим прилежно работал, но к старику особого тепла не чувствовал, как и он к нему, потому если юноша и исчезнет, опекун погорюет пару дней на людях, чтоб не подумали чего!

Керим шел и вспоминал, какие оды его ныне пропавший друг провозглашал дивному голосу под мельницей.

Надо пойти и самому проверить, кто там поет. Что если это похититель заманивает мальчишек? Керим даже не удивился, когда, подойдя к мельнице, услышал волшебное девичье пение. Но его больше привлекли не чистота манящего голоса, а слова самой песни.

Девушка молила о помощи.

Она как будто поняла, что спасти ее невозможно, и плакалась, как одиноко ей, звала Керима спуститься вниз и посидеть рядом, пока не наступило полнолуние. Но как только выйдет полная Луна, Кериму надо будет бежать, иначе он погибнет!

Оказывается, Эмилика хоть как-то пыталась уберечь братьев-царевичей от злой мамыши, но наивные мальчики даже не вслушивались в слова, одурманенные шли на зов песни.

Керим же, вспоминая о пропавших друзьях, решил поступить иначе.

В следующую ночь он стащил со двора уличную масляную лампу, которая досталась его опекуну ещё от деда. Он привязал к ее тоненькой ручке длинный канат и отправился к мельнице. Открыв дверцу, Керим стал медленно опускать лампу в темный колодец.

И вот он постепенно освещался изнутри. По стенам колодца бегали и копошились тысячи пауков. Вот лампа стала опасно подергиваться: руки юноши тряслись от ужаса. Он увидел чёрную кружевную паутину, что плели пауки! Наконец, лампа коснулась гроба, в котором лежала Эмилика. Керим от неожиданности качнулся в сторону и чуть не уронил лампу. Девушка, ни живая, ни мёртвая, спала в гробу и напевала. Пение из ее рта вылетало серебристым свечением, напоминавшим пляшущий луч света, что усаживался на пауков, и те, как сумасшедшие, плели густую сеть.

Керим, замерший, долго глядел на страшную картину и даже не шевелился. Он глядел на красивую, но мертвенно-бледную девушку, и слушал ее пение.

– Матери не бойся – она качает братьев...

Керим встрепенулся – о ком шла речь?!

Он поднял лампу и заметил, что сеть пауки сплели на три четверти. Очень скоро они доплетут ее до самого верха.

Начало светать. Керим нехотя ушел домой и еле-еле дождался следующей ночи. Юноша решился спуститься на дно. Даже страх не пугал его. Пение девушки

затуманило сознание.

Закрепив начало верёвки снаружи, Керим спустил ее конец вместе с лампой на дно и осторожно стал опускаться.

– Не коснись перины вязкой: маменька явится сразу! – предостерегала спящая Эмилика.

Опустился Керим на дно и сел на краешек гроба. Он глядел и глядел на полумертвую девушку. Полчаса, час.

Ее пение и она сама действовали на него, как и паутинный кокон, в котором Паучиха нянчила царевичей. Узница пропела своё имя – Эмилика, и Керим назвал свое.

Он забыл о реальности и только слушал, слушал, слушал...

Пение Эмилики унесло его далеко-далеко, и даже пауки не пугали – Керим и вовсе про них забыл!

Девушка пела о своей нелегкой судьбе и благодарила юношу за бесстрашие. Но в последнем куплете он услышал, что скоро рассвет, и пора ему уходить.

Керим выбрался из колодца и мельком заметил, что сеть почти готова!

Следующей ночью наступит полнолуние.

Керим брёл домой, шепча имя узницы. Свежий прохладный воздух действовал отрезвляюще, и он вспомнил, что завтра колодец должен его поглотить, как и других мальчиков.

«Не коснись перины вязкой: матушка явится сразу!»

Его друзья были слишком глупы и ступили на вязкую перину! Керим слушал Эмилику и помнил о ее предостережении! Почему же он не спросил, как быть дальше? Что если он придет завтра к колодцу, но не наступит на паутину? И почему явится матушка?! Керим вдруг остановился и вскрикнул – его друзья под

землём! Их, наверное, похитила обезумевшая мать полумертвой Эмилики! Может, их ещё возможно было спасти?

– Молодой человек, что забыли вы здесь в столь поздний час?

Керим встрепнулся – откуда ни возьмись, появился скрюченный старик и зачем-то заговорил с ним.

– То же могу спросить и у вас! – смело выпалил юноша.

Его даже немного разозлили слова любопытного старца. Какой ему интерес, почему он не спит?!

– Вы, я гляжу, остры на язычок. – Улыбаясь, заметил старик. – Я же листья собираю, пока ещё остались. И именно в такое темное время они хранят ценные свойства. Спать-то охота, но кости мои, потом спасибо скажут за целебный отвар! – пропыхтел старик.

Керим недоверчиво глядел на него. Что бы там не собирал этот дядька, слушать он его не хотел. Но чувствовал, что тот ждал ответа, а юноша не спешил говорить, но и бежать не мог: ноги не слушались.

– Не подумайте, чего плохого... – пробубнил старик, – я услышал, как вы имя женское нараспев говорили...

Керим разозлился ещё больше на любопытного дядьку, но зачем-то против воли выпалил:

– Я думал об Эмилике – девушке, что спит в гробу на дне колодца.

Старец вдруг выпрямился, и горб его исчез. И вообще на дряхлого старика он уже не походил. Керим стоял онемевший и понял, что тот соврал и про листья, и про отвар.

Колдун подошёл к юноше близко-близко, заглянул в карие глаза и произнёс:

– Завтра в полнолуние приходи на старую мельницу. Открой потайную дверцу, но на перину не ступай. И про разговор этот забудь.

Ведьмак исчез. Керим почувствовал, как кровь разлилась по онемевшим ногам. И чего он остановился?! Давно пора бежать домой и улечься спать.

... Следующей ночью Керим отправился на мельницу. Он должен открыть дверцу, но не ступить на перину. Юноша точно знал об этом, и слепо следовал приказу колдуна, даже не помня о нем.

И вот он увидел Эмилику. Она сидела в гробу и ждала его. Керим почувствовал толчок в спину и упал замертво на чьи-то руки. Колдун уложил юношу возле входа, а сам упал на перину и, свёрнутый в кокон, прикатился к ногам Эмилики. Но тело Керима перевесило и скатилось вслед.

Тут же явилась Паучиха и забрала кокон. Увлечшись новым царевичем, она и не заметила другого, что лежал рядом. Эмилика же уложила Керима рядом с собой и горько оплакивала. Она сорвала кулон с шеи, разбила о стену и упала замертво рядом с юношей. Половина души тоненькой струйкой выплыла из осколков стекла и опустилась на гроб возле своего мертвого тела. Пока другая часть висела на шее колдуна, на небо ей не улететь...

А тем временем в глубинах амбара...

– погоди, ведьма проклятая! – закричал старец из-под перины. – Друг твой давний здесь томится! Освободи меня!

Услышав знакомый голос, острыми щупальцами Паучиха осторожно разорвала липкую перину и узнала своего учителя – колдуна-старца!

Что понадобилось ему?!

– Распоясалась, ведьма! Речь шла об одном сыне, а ты тут ясли устроила! И мне отныне живётся не всласть! Взгляды косые на мой дом бросают, мол, я чуть ли не причастен к твоим похищениям! Ещё не хватало, чтобы мой дом святой водой окатили, а меня на костре сожгли! – бормотал ведьмак, отряхиваясь от липкой паутины и, вспоминая, как в городе оплакивают исчезнувших ребят. – Поэтому

давай-ка остальную часть Эмилики! – заявил колдун.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/talybova_zul-fiya/moya-lyubimaya-kukla

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)